

ПРАВОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

© 2012 г. Иван Викторович Галкин¹

Аннотация: данная статья посвящена проблеме правового отчуждения в политической философии Бенедикта Спинозы. Хотя голландский мыслитель и не использует в своих трудах сам термин “алиенация”, но проблема отчуждения политических институтов занимает важное место в его наследии. По мысли философа, преодоление отчуждения становится возможным при установлении демократического государства, которое является подлинным продуктом общественного договора. Сущность демократии заключается в том, что общество возвращается к естественному состоянию, и тем самым правовые нормы приходят в соответствие с требованиями естественного права.

Annotation: The present article deals with a problem of legal alienation in Spinoza's political philosophy. The Holland thinker doesn't use the term “alienation” itself in his works; nevertheless this principal problem takes a significant place in his philosophical legacy. According to Spinoza's thoughts, the surmounting of alienation is expressed in establishing of the democratic state, which is a real product of the social contract. The democracy essence is in taking the society back to its natural state; *eo ipso* legal norms come to correspondence with requirements of the natural law.

Ключевые слова: демократия, естественное право, монизм, отчуждение, сила, субстанция.

Key words: alienation, democracy, natural law, monism, power, substance.

...Право каждого простирается столь далеко,
сколь далеко простирается его мощь.

Бенедикт Спиноза

Введение. Великий голландский философ и политический мыслитель Бенедикт Спиноза (1632–1677) является видным представителем раннего европейского Просвещения. Совсем небольшое по объему, но значительное по своему содержанию творческое наследие философа, явившееся плодом глубоких размышлений и вдохновенных озарений этого рано ушедшего из жизни своеобразного мыслителя, и по сей день остается образцом весьма нетривиальной и оригинальной философской системы, ценность которой нисколько не умаляется ее чисто спекулятивным и откровенно догматическим характером.

Значительное место в наследии философа занимают работы политико-юридического содержания, поскольку, подобно Платону или Марксу, Спиноза ощущал настоятельную необходимость в практической реализации своих философских идей, а лучшей сферой их приложения, по-видимому, он считал государство и право – несомненно, важнейшие институциональные атрибуты всякого цивилизованного общества. Не подлежит сомнению и тот факт, что политическая концепция голландского мыслителя крепко связана с его философской системой (основными частями каковой традиционно выступают онтология, гносеология и этика) и входит в нее на правах равнозначного компонента.

Сколь бы глубоко философ ни погружался в пучину своих метафизических интуиций, исследуя разнообразные стороны интеллигибельного бытия, его государственно-правовые взгляды всегда были направлены на постижение объективной реальности и верно отражали политическую действи-

тельность современной мыслителю эпохи – эпохи коренной ломки феодальных общественных отношений и становления капитализма, что явилось причиной серии буржуазных революций в Европе на заре Нового времени. Таким образом, государственно-правовые взгляды Бенедикта Спинозы являются плодом взаимного влияния политической реальности и догматической метафизики философа, и это взаимодействие доставляет возможность гаагскому мыслителю полностью оставаться на почве подлинной действительности в своей политической теории.

§ 1. Отчуждение (*alienatio*) является одной из тех сторон человеческого бытия, которая не только издавна привлекает к себе пристальное внимание, но и требует углубленного философского осмысления, ибо, пожалуй, только философия способна осветить существование этого явления с должной степенью проникновения в самую его сущность. Вместе с тем, философия так и не смогла выработать единого подхода к проблеме алиенации, поскольку философы были заняты скорее выявлением и исследованием отдельных черт отчуждения вместо целостного его постижения. Кроме того, исследователи отчуждения зачастую интересовались не столько этим феноменом непосредственно, сколько тем, как он проявляется в жизни отдельных индивидов или общества в целом; именно в подобных исследованиях немалую роль сыграли специалисты наук гуманитарного цикла, в том числе и наук политико-юридических. Потребовался определенный период исторического времени, прежде чем отчуждение было осмыслено как целостное явление природной и общественной жизни человека и стало возможным перейти к целенаправленному исследованию этого феномена, выделив его характерные признаки и сформулировав его дефиницию.

¹ Аспирант МГЮА им. О.Е. Кутафина (E-mail: galckynvanya@rambler.ru).

Отчуждение можно рассматривать как осознанное индивидом отношение противоречия между сущим и должным, препятствующее осуществлению индивидом его подлинных интересов и достижению им определенных жизненных целей. В свою очередь, правовое отчуждение является одной из разновидностей отчуждения в широком смысле и существует в двух тесно связанных между собой формах, что с необходимостью вытекает из выявления сущности самого права: правовое отчуждение в объективном смысле и правовое отчуждение в субъективном смысле. Под правовым отчуждением в *объективном смысле* следует понимать такое состояние взаимоотношений общества и права, при котором созданные и принятые каким-либо законодательным органом нормативно-правовые акты не обращены на упрочение либо приращение меры общего блага, поскольку препятствуют осуществлению лицами своих интересов. Правовое отчуждение в объективном смысле становится причиной отторжения действующего законодательства населением, затрудняет должную реализацию правовых норм и приводит к установлению режима анонии, способствующего эскалации социальной напряженности. Правовым отчуждением в *субъективном смысле* мы будем называть отсутствие юридически защищенного правомочия конкретного лица совершать или не совершать какие-либо действия, а также требовать от других лиц совершения определенных действий или воздержания от таковых.

В ту историческую эпоху, когда жил и творил Бенедикт Спиноза, проблема правового отчуждения не могла быть не только отчетливо сформулирована, но и с достаточной степенью ясности осознана, поскольку уровень юридической науки того времени не позволял рассматривать право как особый, самостоятельный вид нормативного социального регулятора, вместе с иными регуляторами призванный упорядочивать общественные отношения. Более того, ученые-правоведы прошедших эпох подчас экстраполировали чисто юридические отношения и на природные процессы, опираясь в этом на традиции римского права, в частности на идеи знаменитого юриста Ульпиана, распространявшего действие норм естественного права не только на человека, но и на животных; в древних обществах деятельность животных, растений, а иногда и природных стихий считалась частью правопорядка наряду с поведением людей.

Неудивительно, что и Спиноза, неразрывно связывая право с категорией "*potentia*" (могущество, мощь, сила), подчеркивал в своем определении права прежде всего его натуралистический (естественный) аспект, в чем можно усматривать определенное влияние натурфилософских идей современной ему науки. Тем не менее, философ остается в полной мере самобытным мыслителем, преодолевая тотальный механицизм данной категории и выявляя ее этический аспект: всякое проявление силы, всякий волевой акт в мире разумных существ необходимо несет на себе отпечаток этики, а понятием, соотносящимся с категорией силы, становится понятие права, которое в естественноправовой трактовке Спинозы приобретает не только этический, но и политико-юридический смысл. "Ведь мощь природы есть сама мощь Бога, который имеет верховное право на все. Но так как всеобщая мощь всей природы есть не что иное, как мощь всех индивидуумов, вместе взятых, то отсюда следует, что каждый индивидуум имеет верховное право на все, что он может, или что право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь. И так как высший закон природы состоит в том, что каждая вещь стремится, поскольку от нее зависит, оставаться в своем состоянии, и притом не считаясь ни с чем другим, а только с собой,

то отсюда следует, что каждый индивидуум имеет верховное право на это, то есть (как я сказал) на то, чтобы существовать и действовать сообразно с тем, как он к тому естественно был определен"². Натуралистическая трактовка Спинозой этики и права является, бесспорно, оригинальной стороной его политико-юридических взглядов и может также считаться предшественницей современных антропологических концепций, обосновывающих *нóс* человека его биологическими, в частности генетическими, особенностями. "Итак, под *правом природы* я понимаю законы или правила, согласно которым все совершается, то есть самую мощь природы. И потому естественное право всей природы и, следовательно, каждого индивидуума простирается столь далеко, сколь далеко простирается их мощь. Значит, все то, что каждый человек совершает по законам своей природы, он совершает по высшему праву природы и имеет в отношении природы столько права, какой мощью обладает"³.

§ 2. В эпоху Спинозы правоведение не отличали с достаточной мерой ясности от этики и, соответственно, не проводили четкого различия между моралью и правом. Даже век спустя Кант в своей знаменитой "Метафизике нравов" трактует право как обеспечиваемый внешним принуждением нравственный императив, и свое философское учение о праве он относит к сфере моральной философии (так, он рассуждает о морали в смысле "учения о праве")⁴. Хотя четкое и последовательное разграничение сфер правового и нравственного станет важным достижением юридической науки последнего времени, тем не менее, политическими мыслителями прошлого было высказано немалое количество интересных и плодотворных соображений, в том числе и относительно проблемы отчуждения.

Бенедикт Спиноза, на наш взгляд, занимает особое место в ряду политических мыслителей, ибо он не только с большей степенью ясности осознал отчуждающее воздействие политики и права на общественные институты, но и наметил ближайшие пути преодоления как политического отчуждения, так и тесно с ним связанного отчуждения правового. Разумеется, оставаясь на уровне современных ему юридических знаний, философ не сделал достаточно отчетливой дифференциации права на объективную и субъективную стороны, хотя некоторым образом он и осознал взаимосвязанность правовых установлений и субъективную волю индивидов, формирующих политические институты и устанавливающих в конечном итоге такое право, которое будет отражать реальную политическую конъюнктуру данного общества. "Ведь люди устроены таким образом, что не могут жить вне какого-нибудь общего права; общее же право установлено, и государственные дела ведутся людьми наиспособнейшими (хотя бы и коварными или хитрыми), поэтому едва ли вероятно, чтобы мы могли придумать что-либо небесполезное всему обществу, на что не натолкнул еще случай и что просмотрели люди, занятые общими делами и забываящиеся о своей безопасности"⁵.

Сущность правового отчуждения в объективном смысле обнаруживается прежде всего в феномене *неправого права*, возникающего в том случае, когда правовая норма отвечает всем формальным юридико-процедурным требованиям своего времени, но содержание самой нормы не соответствует требованиям справедливости и препятствует достижению

² Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Харьков, 2001. С. 303.

³ Спиноза Б. Соч. Т. 2. СПб., 2006. С. 252.

⁴ См.: Нерсисян В.С. Философия права. М., 2009. С. 626.

⁵ Спиноза Б. Соч. Т. 2. С. 250.

общего блага, в чем можно усмотреть не только небрежность законодателя, но порой и прямой умысел такового. “Те, кто управляет государством или кто им владеет, всегда стараются прикрыть видимостью права всякий неблагоприятный поступок, какой бы они ни совершили, и убедить народ в том, что поступили честно. Этого они легко достигают, когда все толкование права зависит только от них. Несомненно, тем самым они получают величайшую свободу делать все, что они хотят и что подсказывает их склонность, и, наоборот, они в большой мере лишаются свободы, если право толкования законов принадлежит другому и если в то же время правильное толкование их настолько для всех ясно, что никто в нем не может сомневаться”⁶.

Действенное средство, способное предотвратить правовое отчуждение в объективном смысле, мы сегодня усматриваем в необходимости осуществления принципа разделения властей в государстве, последовательное воплощение которого позволяет осуществить взаимный контроль деятельности независимых ветвей власти, с одной стороны, и затрудняет вмешательство исполнительной власти в правотворческую деятельность законодательного корпуса – с другой. Для Бенедикта Спинозы как для философа, придерживавшегося монистических взглядов на природу субстанции и испытывавшего известное влияние политических взглядов своего старшего современника Томаса Гоббса, разделение властей было принципом непозволительным и опасным, ибо приводило к гражданской войне и разрушению самого государства⁷. “Если государство уступает кому-либо право, а следовательно, и власть – ибо в противном случае все сведется к одним словам – жить по своему усмотрению, то тем самым оно отказывается от своего права и переносит его на того, кому дало такую власть. Если же оно дало такую власть двум или многим лицам, чтобы именно каждый жил по своему усмотрению, то тем самым оно разделило верховную власть, и если, наконец, оно дало эту власть каждому из граждан, то тем самым оно разрушило само себя и нет уже более государства, но все возвращается в естественное состояние – все это с полной очевидностью вытекает из предыдущего”⁸. Отрицательное отношение Гоббса и Спинозы к принципу разделения властей, проистекающее из реалистического отношения к современным им политическим институтам, не следует воспринимать как устаревшее или отжившее свой век, поскольку и сегодня подлинная независимость ветвей государственной власти нередко является лишь пустой и лживой декларацией: достаточно вспомнить такие печально известные феномены наших дней, как “карманный парламент” или “телефонное правосудие”.

Спиноза последовательно придерживался естественно-правовой трактовки человека, когда высказывал и ряд соображений по проблеме правового отчуждения в субъективном смысле. Полагая, что алиенация коренится в отчуждающем воздействии самой природы, развертывающейся в бытии множества соперничающих между собой предметов, мощь которых сталкивает их во взаимной борьбе вплоть до полного уничтожения, философ, с одной стороны, указывает на могущественную власть инстинктов, а с другой – подчеркивает роль разума в преодолении инстинктивных влечений индивидов. “Если бы с человеческой природой дело обстояло таким образом, что люди жили бы по предписанию разума и не уклонялись бы в сторону, то право природы, поскольку

оно рассматривается как свойственное человеческому роду, определялось бы одной мощью разума. Но люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума; и потому *естественная мощь, или право людей*, должно определяться не разумом, но тем влечением (*appetitus*), которое определяет их к действию и которым они стремятся сохранить себя”⁹.

Спиноза наглядно демонстрирует и как индивидуалистические тенденции разобщают, отчуждают индивидов, и как индивидуальная мера могущества, находящая выражение во власти одного человека над другим, препятствует использованию подвластным лицом своего субъективного права. “Из этого, кроме того, следует, что каждый бывает чужеправным (*alterius juris*) до тех пор, пока находится под властью другого, и своеправным (*sui juris*) постольку, поскольку может отразить всякое насилие, отомстить по своему желанию за нанесенный ему вред, и вообще постольку он может жить по своему усмотрению”¹⁰. Далее мыслитель недвусмысленно утверждает, что увеличение меры объективного права, связанного с возникновением политических институтов и государства как важнейшего из них, необходимо ведет к уменьшению меры субъективного права и к выявлению репрессивной силы общественного принуждения, становящегося впоследствии важнейшей прерогативой государственной власти. “Несомненно, что там, где люди имеют общее право и все руководимы как бы единым духом, каждый из них имеет тем менее права, чем более превосходят его мощью все остальные вместе, то есть он не имеет на самом деле по природе никакого другого права, кроме того, которое уступает ему общее право. Он обязан исполнять все, что бы ни повелевалось ему с общего согласия, или же он по праву будет принужден к этому”¹¹.

§ 3. В чем же конкретно Спиноза усматривает возможность преодоления правового отчуждения? Ответ на этот вопрос может показаться на первый взгляд обманчиво простым и очевидным – в установлении подлинно демократического государства. “Я предпочел говорить о нем более чем обо всех других, – утверждает философ, – потому что, казалось, оно наиболее естественно и наиболее приближается к свободе, которую природа предоставляет каждому, ибо в нем каждый переносит свое естественное право не на другого, лишив себя на будущее права голоса, но на большую часть всего общества, единицу которого он составляет. И на этом основании все пребывают равными, как прежде – в естественном состоянии”¹². Здесь мы сталкиваемся с попыткой Спинозы обнаружить определенную диалектику в процессе развития общества, когда первоначальное естественное состояние общественного бытия снова в полной мере возвращается, но на более высоком уровне, – в облике демократического государства.

Кроме того, демократические государства согласно учению философа необходимо государства правовые, “так как их граждане, предназначенные для управления государством, не избираются как лучшие верховным советом, но определяются на это самим законом”¹³. Но при более пристальном рассмотрении мы сталкиваемся с очевидным противоречием, поскольку демократия как выражение плюрализма в политической сфере противоречит онтологическому основанию учения Спинозы, его монизму, утверждавшему единство субстанции. Вероятно, мы имеем дело с противоположностью

⁶ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. С. 328.

⁷ См.: Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М., 2001. С. 111.

⁸ Спиноза Б. Соч. Т. 2. С. 260.

⁹ Там же. С. 252, 253.

¹⁰ Там же. С. 255.

¹¹ Там же. С. 257.

¹² Спиноза Б. Богословско-политический трактат. С. 309.

¹³ Спиноза Б. Соч. Т. 2. С. 329.

метафизических и политических взглядов философа, ибо политический реализм торжествует над идеалистической метафизикой мыслителя. Монистическое понимание субстанции оказывается недостаточным для объяснения такого аспекта существования множества модусов, каким является политический процесс, а демократия, в свою очередь, представляет собой взаимодействие множества свободных и сознательных волей, предполагающих плюралистическое начало бытия. В итоге мы сталкиваемся с антиномией, поскольку субстанция должна быть одновременно и единой, и множественной, а универсум модусов становится проявлением *плюралистической сингулярности* субстанции. Таким образом, плюрализм воли субъектов при демократическом режиме можно рассматривать как отражение в общественной жизни факта становления и взаимодействия неких модусов-монад, наделенных определенной мерой самостоятельности, но имеющих единый субстанциональный источник.

По всей видимости, демократия имеет наибольшее *деагиенирующее воздействие* по той причине, что только такой политический режим в полной мере заключает в себе необходимость передачи индивидами части своей мощи институтам власти в момент заключения общественного договора, а следовательно, здесь погашается отчуждающее действие индивидуалистической воли субъектов. Кроме того, общественный договор, хотя и отнимает у каждого отдельного существа часть его индивидуального могущества, но делает его более могущественным в качестве существа родового, что способствует в том числе выделению человека из природной среды и делает в дальнейшем возможным восходящее развитие общественных институтов. «Если бы двое оказались в согласии и соединили свои силы, то вместе они могут больше и, следовательно, вместе имеют больше права в отношении природы, чем каждый в отдельности; и чем более людей соединится таким образом, тем более будут иметь они права»¹⁴.

Без преувеличения можно сказать, что народовластие коренится в самой основе теории общественного договора постольку, поскольку сам факт заключения такового отражает наличие «общей воли» некоей группы индивидов, передающей определенную часть своей власти (суверенитета) формирующимся политическим институтам. Несмотря на множество противоречивых трактовок и обладая, по сути, природой некоей юридической фикции, теория общественного договора имела весьма прогрессивный для своего времени характер, ибо основной целью заключения подобного договора было создание такой формы ассоциации, которая защищает и ограждает всей общей силой личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде¹⁵.

Давая свою трактовку проблеме общественного договора, Спиноза подчеркивал прежде всего *альтруистическую* мотивацию его заключения, ибо «люди едва ли могли бы без взаимной помощи поддерживать жизнь и совершенствовать свой дух. И потому мы заключаем, что естественное право, свойственное человеческому роду, едва ли может быть

представлено вне того условия, что люди, имея общее право, могли бы совместно завладеть землями, которые они могут населять и обрабатывать, укрепиться, отразить всякое насилие и жить по общему решению всех. Ибо, чем более людей сходится подобным образом воедино, тем более права они вместе имеют; и если схоластики по этой причине (то есть, потому, что в естественном состоянии для людей почти невозможно быть своеправным) называют человека животным общественным, то я ничего не могу им возразить.

Заключение. В заключение подведем некоторые итоги и кратко напомним основные идеи, изложенные в данной статье. Бенедикт Спиноза довольно ясно осознавал отчуждающее воздействие политической реальности на индивидов, когда своекорыстные интересы власть предержащих противостоят интересам подвластного большинства, что всегда чревато взрывами недовольства, зачастую переходящими в открытое противостояние различных социальных групп, страт или классов вплоть до насильственной смены существующего общественного строя.

По нашему мнению, подробные конституционно-правовые установления, ставшие неотъемлемой частью содержания «Политического трактата» философа, направлены именно против отчуждающего воздействия несовершенных политических институтов. И, хотя Спиноза не использует самого термина «отчуждение», вся его политическая философия может рассматриваться как одна из первых в истории попыток углубленного анализа сущности алиенации, для чего гаагский мыслитель прибегает к исследованию взаимоотношений индивидов, наделенных естественной силой, но вынужденных сдерживать ее, объединяясь в сообщество. Более того, Спиноза не только указывает на причину правового отчуждения, но и дает свое решение этой сложнейшей проблемы, которое он видит в установлении демократического режима, что с высоты сегодняшнего дня может быть расценено недостаточным, да и просто наивным.

Но давайте поразмыслим: а была ли в истории мировой государственности где-либо установлена демократия в подлинном смысле этого слова, т.е. в полной мере отвечающая тем признакам, которые считались ей присущими, и не было ли то, что традиционно принято считать таковой, чаще всего лишь некоей ширмой своекорыстных политических сил, прикрывающих треску риторикой и дешевым популизмом эгоистическую заботу о своих, и только своих, интересах? Голландский философ ни в малой степени не идеализировал демократические государства, но просто с той мерой прозорливости, которая всегда отличает выдающихся мыслителей, он осознавал неизбежную репрессивность реальной государственной машины, полагая, тем не менее, что в демократическом государстве масштабы подавления могут быть меньше, чем в государствах автократического толка. «Но в той республике и империи, где высший закон есть благо всего народа, а не повелителя, тот, кто во всем повинуется верховной власти, должен быть назван не бесполезным для себя рабом, но подданным, а потому то государство наиболее свободно, законы которого основаны на здравом рассудке; там ведь каждый, когда он захочет, может быть свободным, то есть, не кривя душой, жить по указанию разума»¹⁶.

¹⁴ Там же. С. 256.

¹⁵ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 160.

¹⁶ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. С. 309.